

УДК 821.161

Gao Yu, Cand. of Sciences (Philology), researcher, Capital Normal University (Beijing, China), E-mail: 15776609418@sina.cn

BLACK HUMOR ABOUT CHILDREN DANIIL KHARMS'S PROSE. The article provides examples of manifestation of black humor in D. Kharms's creation, the analysis is based on the concept of carnival of M. Bakhtin and theory of absurd. The researcher touches on important topics: "terrible laughter" and "relationship between parents and children", to reveal function of black humor, express writer's worldview. Image of child is the symbol of humanity's future and miracle of life. However, D. Kharms in prose carefully builds a mechanism of black humor about children, based on principles of destroying children with unmotivated cruelty and intentional clashes between parents and children. In fact, theme "terrible laughter" takes on function of reflecting heaviness of life and writer's inner world. In D. Kharms's prose the existence of person is closely connected with terrible laugh, which conveys to readers eerie feeling of simple person in gloomy world. In his prose, the reflection of painful relations between parents and children in format of black humor serves as a mean of exposing meaninglessness of life and alogism of real situation, a way of expressing writer's attitude towards good and evil, absurdity of existence peculiar to every person.

Key words: D. Kharms, absurd prose, black humor, children.

Гао Юй, канд. филол. наук, науч. работник Столичного педагогического университета, г. Пекин, E-mail: 15776609418@sina.cn

ДЕТИ КАК ОБЪЕКТ ЧЕРНОГО ЮМОРА В ПРОЗЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

В статье приводятся примеры проявления черного юмора в творчестве Д. Хармса, анализ опирается на концепцию карнавала М. Бахтина и теорию абсурда. Мы затронем важные темы – "страшный смех" и "отношения родителей с детьми" – в целях раскрытия функции черного юмора для выражения мировоззрения писателя. Образ ребенка – это символ будущего человечества и чудо жизни. Однако в прозе Д. Хармса подробно строится механизм черного юмора, объектом которого служат дети. Данный вид юмора основан на принципе создания ситуаций столкновений и агрессии между родителями и детьми. На самом деле тема "страшный смех" носит в себе функцию отражения тяжести реальной жизни и внутреннего мира писателя. В прозе Д. Хармса существование человека тесно связано со страшным смехом, что передает читателям жуткое ощущение простого человека в мрачном мире. В его прозе мучительные отношения родителей с детьми служат средством обнажения бессмысленности жизни и алогизма реальных состояний, способом выражения авторского отношения к добру и злу в человеке и абсурдности существования – размышлений, свойственных каждому человеку.

Ключевые слова: Д. Хармс, проза абсурда, черный юмор, дети.

Даниил Хармс (Даниил Иванович Ювачёв, 1905–1941) – гений литературы абсурда и черного юмора. В хармсоведении давно уже стало распространенным использование таких терминов, как экзистенциализм, абсурд, алогизм. Несмотря на растущий интерес к абсурдизму в его творчестве, проблеме черного юмора, изучению прозы писателя, как нам представляется, не было уделено достаточного внимания.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью выявления эстетической специфики и социально-культурной сущности черного юмора, объектом которого являются дети, в прозе Д. Хармса 1930–40-х годов с точки зрения сюжетных структур и образов персонажей.

Цель данной статьи заключается в открытии карнавальных иронических форм проявления черного юмора, объектом которого служат дети, в прозе

Д. Хармса, а также осмысление духовной атмосферы эпохи, рождающей «черный юмор» в контексте литературы абсурдизма.

Задачи статьи:

1) выявить эстетическую природу черного юмора, его основные черты и культурный, исторический и литературный контексты, на которых он выстраивается;

2) раскрыть нетрадиционную нарративную структуру «черного юмора» и формы ее реализации в творчестве Д. Хармса на основе трех главных тем в прозе, где объектом черного юмора являются дети;

3) определить эстетические функции детей как объекта черного юмора в прозе Д. Хармса, чтобы попытаться понять мировоззрение писателя и авторскую позицию по отношению к детям и реальности той эпохи.

Научная новизна исследования состоит в том, что в статье сформулирована попытка целостного анализа феномена черного юмора как важнейшего факта в литературном процессе 1930–40-х годов в СССР. Кроме того, впервые в русской литературе в прозе Д. Хармса объектом черного юмора выступают дети.

Теоретическая значимость исследования заключается во взвешенной оценке прозы Д. Хармса как юмориста, в рассмотрении его позиции, лишенной идеологических табу и эстетических предрассудков, с которой он смотрит на реальность и смысл жизни.

Практическая значимость исследования заключается в том, что статья может использоваться для подготовки общих курсов по русской литературе. Результаты исследования также могут быть полезны для изучения феномена черного юмора, объектом которого являются дети, для исследования прозы Д. Хармса.

Материалом исследования послужили научно-критические статьи о творчестве Д. Хармса и о его прозе с элементами черного юмора, объектом которого являются дети.

В прозе Д. Хармса можно выделить два этапа развития черного юмора, в котором объектом являются дети. Черный юмор, направленный на детей, в его ранних произведениях является своего рода игривым гротеском, демонстрирующим смешное, но не причиняющее боли. Черный юмор, направленный на детей, на поздней стадии творчества вызывает страх, показывает отчужденность мира, который заставляет людей чувствовать себя шокированными и разочарованными. Ужасающая сторона черного юмора, направленного на детей, в поздних произведениях была усилена, чтобы показать читателю отношение автора к безысходности реальности и ее уродству.

1. Термин «черный юмор» и развитие данного понятия в России

Черный юмор, также известный как черная комедия, – это стиль комедии, высмеивающий темы, которые обычно считаются табуированными, особенно серьезные или болезненные для открытого обсуждения. Писатели часто используют черный юмор как прием для отражения проблем безразличности, провоцируя дискомфорт, настраивая на серьезные размышления и развлекая свою аудиторию.

Само понятие «черный юмор» появилось в XX веке. Еще в 1939 году французский писатель Андре Бретон опубликовал «Антологию черного юмора» 45 писателей и стал первым человеком, который использовал термин «черный юмор». Позже, в 1965 году, была опубликована антология под названием «Черный юмор» под редакцией Брюса Джей Фридмана. Именно на волне обсуждения данного сборника сформировалась концепция «черного юмора», которая привлекла внимание всего мира и широко распространилась как важный литературный термин. По мнению Б.Д. Фридмана, в структуре черного юмора можно выделить «черноту» от юмора, при этом на содержательном уровне акцентируется внимание на черноте как на беспросветном мраке в обществе, а на формальном уровне выявляются механизмы создания сатиры.

Как указано в энциклопедии литературных терминов и понятий, черный юмор известен широкой публике как литературная школа в американской прозе 1950-х и 70-х годов. В середине XX века появилась группа молодых писателей, в том числе Джозеф Хеллер, Курт Воннегут, Джон Барт, Томас Пинчон и другие, которые стали изображать городскую культуру, намеренно демонстрируя посредственность, тривиальность и абсурд, чтобы раскрыть духовную тревогу и растерянность современных людей. Основными характеристиками литературных произведений с использованием черного юмора являются сочетание юмора и страха, поиск порядка в беспорядке, стремление к игровой манере повествования.

В целом черный юмор – это содержательный парафраз фундаментальных идей, высказанных экзистенциалистами, это «юмор, обнаруживающий предмет своей забавы в уничтожении моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» [1]. В прозе Д. Хармса наблюдается сочетание смеха и жестокости, к примеру, в рассказе «Однажды Петя Гвоздиков...» (1936) изображается психология зоосаизма: Петя взял гвозди и хотел прибить кошку гвоздем за ухо к двери, хвостом к порогу [2, с. 113].

Герой хотел издеваться над слабыми животными ради развлечения и не видит в своем поступке ничего страшного. Очевидно, агрессия героя и логика, с которой описан его поступок, носит антигуманный характер. Похоже на это жестокое обращение героя этого рассказа с животными было широко распространено в прозе Д. Хармса 30–40-х годов в контексте еще более жестокого обращения с детьми. В соответствии с вышесказанным черный юмор, объектом которого являются дети, очень жесток. Писатель открыто смеется над слабостью

детей посредством черного юмора, где всякий другой способ описания пробудит лишь плач [1]. Но Д. Хармс намеренно использует описание актов агрессии, чтобы пробудить читателя противостоять жестокости в реальности и пробудить совесть в людях.

В русской литературной традиции первые элементы такого черного юмора возникли в XIX веке в виде переведенных стихов и рассказов. В 1860-х годах в переводе колыбельной песни «Лупите своего сынка!» можно обнаружить такие строки с элементами черного юмора: «Лупите своего сынка / За то, что он чихает» [3, с. 49]. Когда речь идет о предпосылках появления черного юмора в России, стоит упомянуть и стихотворение «Стёпка-растрёпка» Г. Гофмана, в котором автор описывает процесс гибели девочки: «Платье охватил огонь: горит рука, нога, коса и на головке волоса» [4, с. 6]. Наряду с этим, надо отметить переводы В. Буша на русский язык после 1890 года, его рассказы полны бесчеловечного юмора, трагического убийства детей как комическую ситуацию, к примеру, в «Замерзшем Петере» мальчик превратился в кашу и т. д. Традиция черного юмора иностранных художников повлияла на эстетику «черного юмора» в творчестве Д. Хармса 1930–1940-е годов.

Что касается Д. Хармса, то он является писателем-первопроходцем черного юмора России. Как указывает А. Кобринский в своей статье, «на русской почве традиции черного юмора прививались плохо, и Хармса можно, вероятно, считать наиболее значительным автором этого направления» [5]. Отказываясь от традиционного повествования, Д. Хармс создает гармонию между абсурдом и реальностью, фарсом и трагичностью посредством черного юмора. Существует определенная связь между произведениями Д. Хармса и традицией черного юмора второй половины XX века в Америке. После того, как произведения Д. Хармса были переведены на английский язык и стали доступны в США и Европе, в 1971 году американский журнал *Choice* похвалил его за то, что его «рассказы варьируются от забавных до жутких, и черный юмор выразительно проявляется через игру воображения» [6].

Главной чертой черного юмора считается «страшный смех» над детьми, который можно обнаружить в большинстве произведений Д. Хармса. Комментируя другие рассказы писателя, мы обнаруживаем, что такой юмор служит механизмом превращения трагедии в абсурд, основанный на беспорядке мира и мироощущении бессмыслицы автором. В творчестве Д. Хармса о повреждении тела и смерти рассказывается без жалости, и такого рода юмор становится основным стилем прозы писателя.

2. Дети как объект черного юмора и его главные типы в прозе Д. Хармса

Д. Хармс в прозе открыто проявляет безразличие по отношению к детям, мол, «я не люблю детей, стариков, старух» [2, с. 88]. Он очень негативно относился к детям, на его столе стояла лампа с абажуром, на котором он написал «дом для уничтожения детей». Д. Хармс при Н. Заболотном, у которого на тот момент только родился ребенок, высказал идею о том, что необходимо приучать детей к чистоте с раннего возраста, например, положить у печки железный лист с песком [7, с. 196]. Его шутки были неприятны. Тем более он в прозе утверждал, что «они (дети), может быть, и невинны, да только уж больно омерзительны, в особенности, когда пляшут» [2, с. 319]. «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!» [2, с. 88].

Хармс даже в рассказе «Статья» (1936–1938) придумал утопическое королевство, где люди испытывают ужасающее отвращение к детям. Во время императора Александра Вильбердата представлять взрослому детей являлось верхом оскорбления. Это считалось хуже, чем плюнуть человеку в нос [8, с. 23]. На следующем этапе творчества Д. Хармс разработал точный план для уничтожения детей. В рассказе «Меня называют капучино» (1938) Д. Хармс подробно описал, как этот план проводить в жизнь: «О детях я точно знаю, что их не надо пеленать. Их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей» [2, с. 134].

К. Немирович-Данченко обобщает главную структуру «садистских частушек (или рассказов)» – слабый персонаж (обычно ребенок) оказывается жертвой старших и сильных персонажей [1]. Следует отметить, что в прозе Д. Хармса злодей всегда по-разному наносит вред детям. В рассказе «У одной маленькой девочки начал гнить молочный зуб...» (1937) редакторша накопила булавок в руку девочки. В «Грязной личности» (1937) убийца Федька отнимал на улице у встречаемых детей деньги. А в повести «Старуха» (1939) Д. Хармс изобразил героя, испытывающего сильную неприязнь к детям. Герой «я» придумывает мальчикам наказание: «мне нравится наступить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. <...> я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают» [2, с. 162]. В рассказе «Случай» дети Спиридонова утонули в пруду. Из этих примеров становится ясно, что Д. Хармс всегда в прозе позволяет героям вволю издеваться над детьми.

Однако, стоит отметить, что в текстовом пространстве черный юмор, нацеленный на детей, выступает только в роли способа. Отраженный в тексте страшный юмор не означает намерения, позволяющего предположить реалистическую позицию писателя по отношению к ребенку. После арестов и ссылки Д. Хармс чувствовал разочарование в жизни, пытался показать смысл жизни и противостояние судьбе путем уничтожения детей в своей прозе.

(1) Дети как объект черного юмора и страшный смех

О «сущности детей» Д. Хармс глубоко рассуждает в «Статье». По его мнению, «дети – жестокие и капризные старички. Склонность к детям – почти то же,

что склонность к зародышу, а склонность к зародышу – почти то же, что склонность к испражнению» [8, с. 23]. Д. Хармс связал образ ребенка с умирающим стариком, неродившимся эмбрионом и испражнениями. Презрение Д. Хармса к невинным детям мы можем вписать в рамки концепции карнавала и народной смеховой культуры М. Бахтина. Об этом также говорил Е. Рог: «Хармс является прямым наследником карнавальской линии развития литературы, и в своем творчестве он использует как приемы народной смеховой культуры» [9, с. 168–169]. В. Сажин тоже заметит, что «милое» отношение к смерти, пляска около «смертельных» сюжетов соотносимы с бахтинской концепцией карнавала, где смерть – это семья новой жизни.

М. Бахтин полагал, что «испражнения играли большую роль в ритуале праздника глупцов» [10, с. 163]. По М. Бахтину, испражнение в народной смеховой культуре можно рассматривать как драму телесной жизни. Сам образ «испражнение» полон иронии и вульгарности, однако Ф. Рабле соединил представление о «господе» с представлением об испражнении и не видит в этом никакого кощунства, поскольку в его эпоху в народной легенде испражнения были связаны с плодородием. С точки зрения М. Бахтина, в средние века смех – это ощущение не только индивидуальное, но и общенародное. Человек ощущает непрерывность жизни в карнавальской толпе праздника и прикасается к телам других людей. Он чувствует себя членом обновляющегося народа. В этом смысле хармсовское приравнивание детей к старикам и испражнениям – «это одно целое – смеховая драма одновременной смерти старого и рождения нового мира» [10, с. 165]. Таким образом, рождение и смерть детей в прозе Д. Хармса совсем не означают начало и конец жизни, символы рождения и смерти – дети и старики – являются одинаковыми этапами непрерывного роста и обновления народа.

Ведущей чертой гротескных произведений Д. Хармса является профанация, которая проявляется в различных формах иронии, например, сочетание убийства и родов, избиение, унижение, ругань, оскорбление и т. д. В прозе Д. Хармса гротескно-карнавальский характер телесного мотива очевиден, «смерть, труп, кровь, как семья, зарытое в землю, поднимается из земли новой жизнью» [10, с. 362]. Д. Хармс высоко ценит всякую форму профанации, в его прозе смерть равна рождению новой жизни, старики равны детям, смеяться нужно в любом случае.

В его прозе много рассказов с черным юмором, в которых герой одновременно мучит и детей, и старых людей. В рассказе, вышедшем в 1938 году, герой берет с собой палку, «чтобы колотить детей, которые подворачиваются ему под ноги» [2, с. 135]. Подобная картина повторяется в произведении «Я поднял пыль» (1939), однако в этом рассказе у ног героя оказываются и дети, и старики. Герой «я» сбежал, за ним погнались дети. Старики и старухи скакали вокруг героя. Дети в спешке сломали ножки. «Рахитичные дети, похожие на грибы поганки, лугались под моими ногами. Я спотыкался и чуть не упал в кашу из барахтающихся на земле стариков и старух» [2, с. 137]. Дети, как старые, они в одинаковой степени слабы и немощны, все они вертятся под ногами героя. Отсюда можно определить, что здесь образы детей и старых слились воедино в новый образ – ограниченные. Потом «я» оборвал поганкам головы и наступил ногой на живот худой старухи. В этом рассказе гротескная картина мира создается целой системой контрастов. На первый взгляд, маленькие дети и старые люди являются прямо противоположными существами, а на самом деле перед сильным героем все они выступают слабыми и оскорбленными. Путем описания гримас боли в теле Д. Хармс пытается смеяться над гримасами жизни.

Через осмеивание самых слабых членов общества Д. Хармс стремится показать современные доминирующие социальные системы и их недостатки. В «Анекдотах из жизни Пушкина» (1939) сыновья Пушкина становятся идиотами. В рассказе «Сонет» (1935) ребенок свалился со скамейки и сломал себе челюсти, что отвлекло людей от долгого скучного спора. Д. Хармс изображает в прозе карнавальную игру как средство выражения гнева на насилие и несправедливость в обществе. Он «не морализирует, а смеется, обнажая зло, ограниченность, тупость, и его смех временами не менее страшен, чем смех Гоголя» [11]. Путем «смеха со слезами» Д. Хармс в рассказе отражает свои противоречивые чувства по отношению к абсурдности мира, к миру и равнодушию народа.

(2) Черный юмор и отношения между матерью и детьми

Хармсовское предпочтение молодой женщине и отвращение к пожилой старухе четко отражены в прозе. На его взгляд, дамы должны быть полными [2, с. 71]. А «старух хорошо бы ловить арканом. Их всякая морда благообразного фасона вызывает во мне неприятное ощущение» [2, с. 88]. Д. Хармс смеет старухи и уважение «молодых здоровых пышных женщин» [2, с. 88] – это некая метафора его собственного мироощущения. В вымышленном утопическом королевстве Д. Хармс выдумал институт брака: раз в месяц молодежь (17–35 лет) собиралась вместе, все должны раздеваться и жить вместе. Если кому кто нравился, то такая пара отправится в угол. Если в эти дела вмешается старуха, то ее порубите топором и оттащите в центральную яму.

Отсюда следует, что образ молодых, здоровых и пышных женщин не только привлекателен для мужчины, но и является символом беременности, к которой, как правило, не способны старые женщины. Можно сказать, что образ ребенка выявляет авторскую позицию о смерти и жизни, отношения матери с детьми явно демонстрируют необычные, нетрадиционные понятия Д. Хармса о добре и зле.

Нетрудно найти элементы черного юмора, связанные с темой отношений матери и детей. В рассказе «Начало очень хорошего летнего дня» (1939) подчеркивается картина отсутствия семейных ценностей – мать калечит своего ребенка:

Носатая баба была корытом своего ребенка. А молодая толстенькая мама терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стенку. ... Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость [2, с. 358–359].

В рассказе матери перестают быть хранителями своих детей, они становятся преследователями своих детей. Происшествия в обществе мучили Д. Хармса. Он испытал на себе, каким жестоким к человеку может быть общество. Оно оставляет незаживающие шрамы в душах и на телах Д. Хармса. В его прозе с элементами черного юмора человеческие страдания трансформируются в образы невинных детей, приносимых в жертву будущего человечества. Д. Хармс попытался изобразить страдания интеллигенции и простых людей во время трагических переживаний в 1930-е годы. В какой-то степени мучение и «смерть вдохновляют и автора, и его персонажей на мрачное балагурство» [1].

Д. Хармс написал рассказ под названием «Власть» (1940), в котором раскрылось его понимание добра и зла. Однажды собака ворвалась в сад и начала кусать детей. Все матери бросились к своим детям. Одна мать подскочила к собаке и вытащила одного ребенка из собачьей пасти. Когда она заметила, что это не ее ребенок, то кинула его обратно собаке, чтобы спасти от смерти лежащего рядом своего ребенка. В рассказе Д. Хармс подчеркнет свое недоумение: «она согрешила или сотворила добро?» [2, с. 151].

Межличностная холодность заставляет людей чувствовать себя совершенно равнодушными даже по отношению к ребенку. В прозе Д. Хармса жестокое обращение с детьми становится высшим проявлением бесчеловечности и безысходности в реальности, отражает полное неверие автора в светлое будущее.

(3) Черный юмор и отношения между отцом и детьми

Д. Хармс в рассказе «Теперь я расскажу, как я родился...» смело сфабриковал свое рождение, шутил о своих отношениях с отцом. Он заявил, что папе не нравится время рождения сына, которой говорит, что «он еще не человек, а скорее наполовину зародыш и что его следует либо опять обратно запихать» [2, с. 84]. В рассказе «Я родился дважды» содержится мифологическая отсылка к богу Дионису и его символизму. Дионисийское начало – это опьянение, забвение, беспорядок, экзотическое растворение идентичности в массе, рождающее непластическое искусство. По Д. Хармсу, отношения отца с детьми также становятся методом выражения абсурдности мира и бессмыслицы человеческого существования. Д. Хармс убежден в равенстве смерти и рождения, роста и обновления, рассматривает проклятия и желание смерти как приемы игр-повествований, характерных для феномена черного юмора.

Д. Хармс уделил особое внимание отношениям отца с детьми в прозе с элементами черного юмора. В рассказе «Отец и дочь» рассказывается гротескная история: дочь вдруг умерла во время пения. Отец понес ее к управдому. Управдом приложил печать к ее лбу. Отец зарыл дочь в могиле, но, вернувшись домой, увидел, что дочь уже сидит дома. Мертвая дочь ожила, что сильно испугало отца, из-за чего отец умер. Диковинная история опять повторяется. После получения «свидетельства смерти» отца, дочь пришла домой и увидела живого отца. История о воскресении гротескна. Посредством этого сюжета Д. Хармс отражает социально-политическую атмосферу, существовавшую в СССР, иронизирует над абсурдным феноменом в тот период – жизнь и смерть человека определяются «свидетельством» и печатью. Подобным образом Д. Хармс раскрыл иррациональность социального порядка и действующих правил. При помощи смерти маленькой девочки Д. Хармс раскрыл абсурдную природу мира и абсурдную жизнь человека, подвергнувшегося репрессии и терпящего бедствия в 30-е годы.

Д. Хармс обращает большое внимание также на отношения между отцом и сыном. В своих рассказах писатель часто возлагает вину за унижение сына на народный «обычай «оберега» новорожденного от глаза и нечистой силы» [12]. В произведении «Отец и мать родили сына» (1931) отец защищал от беды своего сына путем его оскорбления: «смотри, жена, какая рожа», «как он паршив», с отвращением перечисляя все недостатки сына. В русской традиции подобная ирония, своего рода черный юмор существует в рамках народных суеверий. Считается, что отец должен скрывать свою гордость по отношению к сыну для сохранения счастья. Таким образом, черный юмор в творчестве Д. Хармса «обгрызает обряды, занесенные новой эпохой в разряд суеверий» [12].

М. Мейлах отметил, что неприязнь Д. Хармса к детям была одной из его масок. «Дети Хармса обожали, а дети не ошибаются. Хармс был человеком глубоко ранним. Его ранила пошлость – это была одна из главных тем его позднейшей прозы» [13]. По сути, нелюбовь к детям в прозе Д. Хармса – это повествовательная игра, направленная на восстановление свободы творчества в СССР и создание уникального авторского стиля.

Утверждение «Хармс не любит детей» нельзя воспринимать всерьез, аналогично уничижительному комментарию о новорожденном, это всего лишь маска. Существует внутренняя согласованность всех его сложных эмоций. С одной стороны, по мнению М. Ямпольского, платоновская концепция дискурсивного знания повлияла на хармсовское неприятие пограничного физиологического статуса. На самом деле Эрот – это «источник творчества и связывает его с красотой и молодостью... Эрот по своей природе ненавидит старость» [14, с. 223]. Сущность платоновского Эрота является врагом детства и старости. Поэтому не

дети и не старые люди, а именно молодежь является источником творчества, так как для Д. Хармса характерно символическое уничтожение детей и стариков для создания нового мира и мироощущения. Кроме того, черный юмор, объектом которого являются дети, напоминает нам не менее провокационное заявление В. Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети». Эпатажность и провокационность авангардистского текста поставили определенные задачи перед творческим процессом Д. Хармса, а провокационный характер авангардизма помешал ему отразить в текстах гармонию и гуманность.

Популярность произведений Д. Хармса можно объяснить осознанием абсурдности происходящего и уникальностью использованных им приемов черного юмора. Проза «черного юмора» Д. Хармса была порождением духовной атмосферы 1930–40-х годов, периода, который был недостаточно изучен, но к которому обращаются все исследователи современной культуры. В его рассказе «Новая анатомия» появляется образ деформированной девочки, у которой на носу выросли две странные ленты со знаками «Марс» и «Юпитер». В определенной степени эта девочка стала символом хаоса и беспорядочности мира. Абсурд, созданный Д. Хармсом, тесно связан с его своеобразными представлениями о понятиях чуда и ужаса в реальной жизни. Разочаровавшись в жизни и больше не ожидая чуда, Д. Хармс обращается к черному юмору.

Библиографический список

1. Борисов С.Б. *Эстетика «черного юмора» в российской традиции*. Available at: <http://www.d-harms.ru/library/estetika-chernogo-umora-v-rossiyskoy-traditsii.html>
2. Хармс Д.И. *Полное собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997; Т. 2.
3. Кэрролл Л. *Алисы в Стране Чудес*. Москва: Издательство «Наука», 1978.
4. Гофман Г. *Стелка-растрелка*. Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1901.
5. Кобринский А.А. Хармс сел на кнопку, или Проза абсурда. *Искусство Ленинграда*. 1990; № 11: 70.
6. Gibian G. tr. and ed. Russia's lost literature of the absurd; a literary discovery: selected works of Daniil Kharms and Alexander Vvedensky. *Choice: Publication of the Association of College and Research Libraries*. 1972; Vol. 8, № 11: 1458.
7. Введенский А., Липавский Л., Друскин Я., Хармс Д., Олейников Н. *Сборище друзей, оставленный судьбою*. Москва: Ладомир, 2000; Т. 1.
8. Хармс Д.И. *Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001.
9. Рог Е.Ю. Романтический гротеск в прозе Д. Хармса (на примере рассказа «Судьба жены профессора»). *Материалы научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ*. Владивосток, 2002.
10. Бахин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература, 1990.
11. Друскин Я.С. Чинари. *Аврора*. 1989; № 6: 112.
12. Козлова С.М., Куляпин А.А. Отцы и дети в мире «Черного юмора»: Д. Хармс и О. Григорьев. *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог*. 2008; № 9: 94.
13. Мейлах М.Б. *Путь подражания Хармсу неплодотворен*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/639417>
14. Ямпольский М.Б. *Беспамятство как исток (читая Хармса)*. Москва: Новое литературное обозрение, 1998.

References

1. Borisov S.B. *Estetika "chernogo yumora" v rossijskoj tradicii*. Available at: <http://www.d-harms.ru/library/estetika-chernogo-umora-v-rossiyskoy-traditsii.html>
2. Harms D.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij projekt, 1997; T. 2.
3. K'erroll L. *Alisy v Strane Chudes*. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1978.
4. Gofman G. *Stepka-rastrepka*. Sankt-Peterburg: M.O. Vol'f, 1901.
5. Kobrinskij A.A. Harms sel na knopku, ili Proza absurda. *Iskusstvo Leningrada*. 1990; № 11: 70.
6. Gibian G. tr. and ed. Russia's lost literature of the absurd; a literary discovery: selected works of Daniil Kharms and Alexander Vvedensky. *Choice: Publication of the Association of College and Research Libraries*. 1972; Vol. 8, № 11: 1458.
7. Vvedenskij A., Lipavskij L., Druskij Ya., Harms D., Olejnikov N. *Sborische druzej, ostavlennij sud'boju*. Moskva: Ladomir, 2000; T. 1.
8. Harms D.I. *Neizdannij Harms. Polnoe sobranie sochinenij. Traktaty i stat'i. Pis'ma. Dopolneniya: ne voshedshee v t. 1-3*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij projekt, 2001.
9. Rog E.Yu. Romanticheskij grotesk v proze D. Harmsa (na primere rasskaza «Sud'ba zheny professora»). *Materialy nauchnoj konferencii studentov i aspirantov DVGU*. Vladivostok, 2002.
10. Bahin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990.
11. Druskij Ya.S. Chinari. *Avrora*. 1989; № 6: 112.
12. Kozlova S.M., Kulyapin A.A. Otcy i deti v mire «Chernogo yumora»: D. Harms i O. Grigor'ev. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog*. 2008; № 9: 94.
13. Mejlah M.B. *Put' podrazhaniya Harmsu neplodotvoren*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/639417>
14. Yampol'skij M.B. *Bespamyatstvo kak istok (chitaya Harmsa)*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.

Статья поступила в редакцию 31.10.22